

В «Вершининском словаре» [9] из восьми словоупотреблений, зафиксированных в картотеке, шесть имеют рядовое значение. В названном словаре значение слова определяется как «уменьш. к рюмка, небольшой, обычно стеклянный сосуд на ножке, употребляемый для питья спиртных напитков: *Молодые не пьют, только одну рюмочку наливают на двоих, и они пьют по очереди, то он, то она; Я выходила замуж, у меня рюмочка сохранилась. грамм тридцать, конечно, было.* Иллюстрации, приведенные в словаре, фиксируют символическое значение слова. Невесте с женихом на свадьбе подавалась одна рюмка. Питье из одной рюмки символизировало соединение молодых, такой предмет бережно хранился в крестьянских семьях наряду с другими атрибутами свадебного обряда: полотенцами, вуалью невесты, цветами, которыми был украшен убор девушки.

Некоторые лексические единицы, которые будут помещены в составляемый словарь «Символы сибирской свадьбы», имеют единичное символическое значение. Например:

Шуба, вывернутая наизнанку, символизировала богатство, которого желают молодым во время свадьбы или новорожденному в крестильном обряде. На шубу садили молодых, клали новорожденного, ее надевали родители, ее выкупали в эпизоде выкупа невесты: *Отец невесты и жениха одевали шубы, вставляли друг против друга, били по рукам с приговором: «Жить да богатство, друг друга любить»;* *Брат невесты шуба вывернута, сидит, шубой торгует, выкупает шубника; Молодых после венчания на шубу сажали, чтоб богато жили; Ребёнка постригут, намажут мирром головку и тело. Волоски и кусочек от свечки и бросают в купель. Если утонет, то ребёнок помрёт. Мальчика носят за царские оверты, а девочку нет. С церкви придут, шубу вверх шерстью положат и приговаривают: «Мой хресник как был под крестом, так чтоб*

стал под венцом. И как шуба косматая, так был бы мой хресник богатый».

Шаль во время свадебного обряда является оберегом, ею закрывали либо молодых, либо только невесту, чтобы сохранить от сглаза и порчи во время плетения двух кос; шаль, повязанная на голову невесты, также символизирует, что новобрачная перешла в новый социальный статус – стала молодухой: *Закрывают невесту одеялом или большой шалью, разделяют ей на две половины косынку; Сядут за стол, тогда свахи закрывают молодуху шалью и плетут две косы; Встречают хлебом с солью. Две косы шалью закрывают и плетут; Когда девушка замуж выходит, так у неё коса одна была. А тут её под шаль сажают. И жених заплетает ей косу одну, другую кто-то другой. Потом косы уже по-бабы завязывают платочками. Тады уж молодуха не спинает платки; Едут в церковь, оттуда приезжают, гуляют, тогда молодых закрывают шалью.*

Современная лингвистика народоцентрична, поэтому актуальным на данный момент является собрание в единый «языковой мир» всех фактов, относящихся к духовной культуре. Именно лексикографии как науке о составлении словарей по силам снять дистанцию между научным лингвистическим знанием и народом – носителем языка. Особая нагрузка ложится на лексикографов, составляющих словари лингвокультурологического типа. Национальный компонент словесного знака, включенный в дефиницию слова, позволит установить в нем вневременную семантику, связанную с мировидением народа, его национальным самосознанием. Чрезвычайную ценность имеют в этой связи лингвокультурологические словари, построенные на диалектном материале. Крестьянская культура, сохранившая архаичные черты, представляет в словесных знаках первоосновы русского мышления; в диалектном языке живут представления, пришедшие в русскую культуру из глубины веков, в нем сохранились корни природного бытия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. Лексикографическое исследование духовной и материальной культуры этноса // Этносы Сибири: Язык и культура. Ч. I. Томск, 1997.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
3. Коширная С.А. В зеркале лексикона: Введение в лингвокультурологию. Белгород, 1999.
4. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
5. Пархоменко Н.К. Русские народные песни Томской области. М., 1985.
6. Банкова Т.Б. Словарь сибирских обрядов к постановке проблемы (на материале семейных обрядов) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.
7. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.
9. Вершининский словарь / Главный ред. О.И. Блинова. Т. 1–7. Томск, 1998–2002.

Статья представлена кафедрой русского языка филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 5 марта 2004 г.

УДК 801.3

Е.В. Бельская

ПРОБЛЕМА ИНТЕНСИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Статья выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации и государственной поддержке ведущих научных школ (грант № НШ 1736.2003.6) и молодых российских ученых – кандидатов наук (грант № МК 3378.2004.6)

В статье рассматриваются этапы исследования интенсивности в рамках лексикологического направления. Особое внимание уделяется собственно лексикологическому описанию интенсивности с точки зрения семасиологического, ономасиологического и мотивологического подходов. Статья носит историографический характер.

Первые обращения к вопросам, непосредственно связанным с разработкой проблемы интенсивности, содержатся в трудах М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, А.А. Шахматова, В.А. Богородицкого, В.В. Виноградова, Л.А. Булаховского и др. Наблюдения, носившие

иногда характер отдельных замечаний, имели принципиально важное значение для всего последующего изучения проблемы интенсивности.

Значительный всплеск интереса к проблеме интенсивности в отечественном языкознании наблюдается в

начале 60-х гг. XX в. В исследованиях, которые проводятся на материале русского, английского, немецкого, французского и некоторых других языков, поднимается целый ряд проблем, свидетельствующих о многообразии путей научного поиска. Несмотря на большое количество трудов и их разноплановость, уже в 70-е гг. определяются и чётко прослеживаются ведущие направления в осмыслении интенсивности, формирующиеся в рамках основных разделов языкознания: грамматическое (Е.Н. Сергеева, Л.В. Воробьёва, Л.Г. Коротаева, А.Б. Пеньковский, И.И. Убин, И.И. Сущинский, А.Н. Полянский, Ю.Л. Воротников и др.), лексикологическое (Н.В. Жураковская, О.И. Блинова, Н.А. Лукьянова, Е.И. Шейгал, Т.В. Матвеева, Т.В. Гріднева и др.) и стилистическое (И.И. Туранский, М.А. Артемьева, Н.В. Карповская и др.). Будучи противопоставленными друг другу по целям анализа, предмету и объекту изучения, а также основному подходу к материалу, обозначенные направления предлагают разную интерпретацию интенсивности.

Оставляя за рамками данной статьи обзор исследований интенсивности в грамматическом и стилистическом направлениях, обратимся к описанию интенсивности в лексикологическом ключе.

Цель представленной статьи – обозначить этапы изучения интенсивности в отечественной лексикологии второй половины XX – начала XXI в. и рассмотреть основные подходы к исследованию обозначенной проблематики в рамках наиболее разработанного «собственно лексикологического» её описания.

Одна из глобальных характеристик современной лингвистики в целом – её «экспансионизм» [1], состоящий в выходе лингвистической науки в различные смежные и несмежные области знаний. – в высшей степени свойственна лексикологии настоящего времени. Названная черта находит яркое проявление в лексикологической интерпретации интенсивности.

Развитие проблемы интенсивности в лексикологии связывается нами с тремя этапами. Несомненно, что их выделение достаточно условно. В действительности между обозначенными этапами обнаруживаются не резкие переходы и механические смены одного другим, а сложное взаимопроникновение, при котором выдвижение в качестве преобладающего какого-либо из подходов, ведущего к построению новой теории, не опровергает правомерность и необходимость дальнейшей разработки подходов, задействованных ранее. Необходимо отметить также, что три выделенных этапа далеко не равнозначны по степени разработки проблемы интенсивности. Наиболее проработанным является второй («собственно лексикологический») этап, в силу чего он анализируется особенно подробно. Первый этап можно определить как своеобразное «связующее звено» между исследованиями интенсивности в грамматическом направлении и лексикологическом. Последний этап находится на пути формирования и в большей степени связан с перспективами изучения лексической интенсивности.

Первый этап освещения проблемы интенсивности в лексикологическом ключе связан, с нашей точки зрения, с появившимися в 70-е и 80-е гг. работами, выполненными на стыке двух разделов языкознания –

грамматики и лексикологии. Причины именно такого хода событий усматриваются в мощном развитии идей теории функциональной грамматики во второй половине XX в. Учёными-грамматистами, работающими в русле функциональной грамматики, была отмечена ведущая роль в системе других языковых средств выражения значения интенсивности средств лексического уровня, высоко продуктивных, отличающихся наибольшей многочисленностью и разнообразием в различных языках мира (см., например, работы [2–4] и многие др.). В силу этих причин возникла необходимость более детального изучения средств лексического уровня. Есть объективные основания полагать, что изучение интенсификаторов (в самом традиционном понимании – слов-усилителей опорного слова) в системе других лексических единиц, обладающих и не обладающих семантикой интенсивности, во многом предопределило дальнейшее становление лексикологической теории интенсивности, позволив учёным сделать ряд ценных наблюдений о том, что семантика интенсивности передаётся в языке несколькими классами слов. Таким образом, в работах этого этапа была предпринята попытка анализа разных классов слов, передающих значение интенсивности.

Между тем в исследованиях этого этапа обширный пласт лексики со значением интенсивности, в том числе и на материале русского языка, не был рассмотрен в полном объёме. В работах, освещающих особенности средств лексического уровня как одного из наиболее важных элементов плана выражения функционально-семантического поля интенсивности, анализируются только некоторые из лексических средств. Так, например, в диссертационной работе В.П. Мусиенко [5] предпринята попытка описания разных классов русских глагольных лексем со значением интенсивности, а в исследовании В.В. Акуленко [6] последовательно разграничиваются соответствующие классы прилагательных. При этом в поле зрения исследователей попадают лишь отдельные участки внутри общей совокупности интенсивных слов рассматриваемых частей речи: в первом случае – глаголы со значением усиления, во втором – прилагательные, выражающие высокую степень интенсивности признака.

Второй этап ознаменован выделением интенсивных слов в самостоятельный объект собственно лексикологических исследований. Во временном плане становление этого этапа происходило во многом параллельно первому, тесно с ним пересекаясь. Так, в связи с изучением экспрессивности слова проблема интенсивности осмыслялась с позиций собственно лексикологического направления уже в ряде работ, появившихся в начале и в середине 70-х гг. К их числу принадлежат, например, исследования О.И. Блиновой [7, 8], Н.В. Жураковской [9], Н.А. Лукьяновой [10, 11 и др.], В.И. Шаховского [12] и некоторые др. Заметим, что термин «интенсивность» в них не употребляется. Вместо него применяется термин «экспрессивность (в узком смысле)». Термин «интенсивность» стал широко использоваться в лексикологии в конце 70-х – начале 80-х гг.

В период 80–90-х гг. проблема интенсивности подверглась глубокому осмыслению с позиций лексикологического направления сообразно со статусом, предметом и объектом данной науки, вследствие чего «вписа-

лась» в новый срез проблем, предусмотренных «внутренним мироустройством» лексикологии как самостоятельной научной дисциплины.

Неоспоримым доказательством прогрессивно возрастающего интереса к проблеме лексической интенсивности в это время служит тот факт, что изучение интенсивного потенциала слова представителями лексикологического направления предпринимается на базе нескольких подходов: ономаσιологического, семасиологического и мотивологического.

Вопрос о соотношении вышеуказанных подходов, их отличительных особенностях неоднократно поднимается на страницах лингвистической литературы (см., например, работы [14, 15]).

Каждый из трёх подходов синтезирует характерные черты того раздела лексикологии, в рамках которого произошло его формирование. Обладая специальной «программой действий», ономаσιологический, семасиологический и мотивологический подходы рассматривают лексическую единицу с разных позиций. В самом общем виде различие между подходами обнаруживается по двум позициям: первую составляет направление анализа лексической единицы, вторую – учёт человеческого фактора.

Ономаσιологический и семасиологический подходы выстраиваются на одностороннем анализе слова. Исходной величиной при ономаσιологическом подходе является значение, отталкиваясь от которого, ономаσιолог прослеживает процесс создания лексических единиц (направление анализа «от значения к звучанию»). Семасиологический подход предполагает противоположный путь исследования, при котором отправной точкой выступает звуковая оболочка слова. Через её соотносённость с реальной действительностью исследователь подходит к изучению понятия или представления о конкретном предмете, рассматривает само значение слова, его типы и устройство (направление анализа «от звучания к значению»).

Мотивологический подход характеризуется двусторонненностью анализа. Особенности мотивологического подхода к анализу лексики обусловлены самой природой мотивированного слова. Слово можно считать мотивированным в том случае, если в сознании носителя языка прослеживается связь данной лексической единицы с иными лексическими единицами языковой системы не только на уровне общности их семантики, но и на уровне соотносённости их по форме. Таким образом, звучание и значение оказываются равноправными величинами, одинаково важными при мотивологическом анализе слова [15, С. 16–17].

Второй не менее значимой чертой, позволяющей разграничить настоящие подходы, является принцип антропоцентризма. В отличие от двух других подходов, исследование способности говорящего соотносить лексическую единицу с языковой и внеязыковой действительностью является исходным моментом мотивологической концепции в целом. Благодаря последовательному обращению к показаниям метаязыкового сознания, мотивологический подход задолго до «смены» научной парадигмы позволил обратить внимание на антропоцентризм языка [14].

Степень изученности интенсивности неодинакова и в рамках указанных подходов.

На современном срезе разработки проблемы лексической интенсивности наиболее ёмко и разносторонне представлено её осмысление с позиций семасиологического подхода. Уточнению семасиологического статуса интенсивности посвящены исследования О.И. Блиновой, Т.В. Гридневой, Е.А. Ерофеевой, Н.В. Жураковской, Н.Б. Лаврентьевой, Н.А. Лукьяновой, Т.В. Матвеевой, О.А. Новосёловой, А.М. Семейко, Т.А. Трипольской, Е.И. Шейгал и др. Предметом пристального внимания в них стали следующие аспекты анализа: онтологический аспект – направление анализа, связанное с разработкой понятийного, научно-терминологического аппарата семасиологического исследования интенсивности [8, 9, 16–22]; собственно семасиологический аспект – направление исследования, связанное с изучением структуры значения интенсивного слова, определением статуса семантического компонента ‘интенсивность’, а также выявлением его соотношений с другими компонентами лексического значения слова [11, 17–18, 20–24]; лексикографический аспект – направление исследования, затрагивающее вопросы репрезентации интенсивного слова в словаре [24–32].

Определённым изменениям подвергся выбор объекта исследования. В первую очередь лексикологов интересует материал, отражающий высокую степень интенсивности, главным образом экспрессивная лексика, отличающаяся наиболее сложным устройством своего лексического значения. Мощное привлечение находит диалектный материал русского языка [7–9, 10, 11, 17, 18, 21, 22, 24, 27–31], до этого не использовавшийся при изучении интенсивности в других разделах языкознания. Впервые объектом специального исследования становятся интенсивные фразеологизмы – фактически не изученная в этой связи область лексических средств языка [33–34].

При разработке онтологического аспекта наиболее актуальными для исследователей стали проблемы выбора термина и содержательного его наполнения; определения семантической сущности интенсивности и её собственно лексикологического статуса; описания характера взаимодействия интенсивности с отдельными свойствами слова; уточнения принципов сбора лексических единиц, характеризующихся интенсивностью; создания методики их описания.

Уже в первых попытках семасиологического осмысления интенсивности проявилось стремление очертить границы данного понятия. С одной стороны, производилось чёткое разграничение логической и эмоциональной интенсивности, отмеченное ещё Ш. Балли [35]. Так, например, А.М. Семейко [25] настаивает на разведении логических показателей степени признака и эмоциональных усилителей, при этом термин «эмоциональный усилитель» употребляется как синоним к термину «эмоциональный интенсив». Эта же тенденция нашла отражение в исследованиях экспрессивной лексики, в которых экспрессивные лексические единицы, содержащие сему ‘интенсивность’, последовательно противопоставляются экспрессивно нейтральным лексемам (О.И. Блинова [8], Н.А. Лукьянова [11, 36]). С другой стороны, ощущалось явное стремление лексикологов выявить отличия эмоциональных (в более поздних работах за ними закрепилось обозначение экспрессивных) интенсивов от

других эмоциональных (экспрессивных) образований. Например, О.И. Блинова предлагает развести в неоднородной по своему составу группе экспрессивных слов эмоциональные слова и собственно экспрессивные (интенсивные). Эмоциональными являются лексемы, которые, кроме предметно-логического значения, содержат выражение отношения говорящего к обозначаемому или – шире – к языковой (речевой) ситуации. Собственно экспрессивными (интенсивными) являются лексемы, которые, помимо предметно-логического значения, содержат количественные характеристики обозначаемого. По мнению автора, граница между эмоциональными и собственно экспрессивными словами зыбка и очень подвижна. Критерием их разграничения служит преобладание эмоции над экспрессией (эмоциональная лексика) или экспрессии над эмоцией (интенсивная лексика) [7. С. 77–78; 8. С. 79–82].

Таким образом, в наиболее ранних работах представление об интенсивном связывалось с отдельным классом слов, противопоставленных экспрессивно нейтральным образованиям, с одной стороны, и экспрессивным лексическим единицам, не содержащим дополнительных количественных характеристик – с другой.

В 80-е и 90-е гг. онтологическая природа лексической интенсивности на материале русского языка активно анализируется сквозь призму специфики значения экспрессивного слова.

Важный вклад в разработку проблемы интенсивности в этом аспекте был внесён Н.А. Лукьяновой [10, 11, 17, 18, 36]. В концепции Н.А. Лукьяновой экспрессивность определяется как языковое явление, как «свойство лексической единицы, связанное с её способностью актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноимённых с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего» [18. С. 43]. Интенсивность же трактуется как микроразнообразие (сема), входящее в число коннотативных сем экспрессивных лексических единиц наряду с 'эмоциональной оценкой' и 'образностью', призванное отразить качественно-количественную характеристику обозначаемого словом явления, или, иначе говоря, его меру. По мнению Н.А. Лукьяновой, интенсивность как семантический феномен связывается «не с любой количественной квантификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от "нормальной" меры, т.е. от зоны нормативности, и вследствие этого воспринимается говорящим иначе, чем обычное, соответствующее некоторой норме, или мере, явление» [18. С. 56]. Например, глагол *лететь* (о птице или самолёте) передает нормальную меру, свойственную обозначаемым реалиям. Глагол *лететь* 'бежать очень быстро (о человеке)' выражает представление говорящего о гиперболизированном действии, отличном от нормативного действия *бежать*, и в силу этого признаётся интенсивным. Все слова, содержащие в своей семантике компонент 'интенсивность', Н.А. Лукьянова называет «интенсивами», а экспрессивные слова, включающие подобную сему, – «экспрессивными интенсивами» [18. С. 57].

Особое внимание в работе Н.А. Лукьяновой уделяется приемам сбора экспрессивных интенсивов. К чис-

лу методических приёмов сбора материала автор относит анализ словарных толкований, идентификацию, контекстный анализ, а также обращение к языковой компетенции носителей языка [18. С. 60–62].

Серьёзным теоретическим вкладом в осмысление интенсивности стала диссертационная работа Е.И. Шейгал [20], в которой решается исследовательская задача определения статуса интенсивности как самостоятельного категориального семантического признака лексического значения слова на материале английского языка.

Исходя из понимания интенсивности как языковой понятийной категории, служащей для отражения градаций в степени проявления признака и выражающейся средствами различных языковых уровней, Е.И. Шейгал определяет сущность интенсивности (как категории и категориального семантического признака) через её соотношение со «смежными категориями», к которым, по мнению автора, следует отнести категории количества, меры, эмпазы и экспрессивности. Как полагает Е.И. Шейгал, интенсивность есть частное проявление категории количества, и именно той её стороны, которая характеризуется как недискретное (неопределённое) количество. Причём «в рамках субкатегории неопределённого количества интенсивность следует отделять от параметрических величин типа "*глубокий*", "*тяжёлый*" и квантификаторов (*все, много, мало* и др.). Интенсивность является признаком второй степени, тогда как квантификаторы и параметрические величины есть признаки первой степени и могут выступать как непосредственные признаки вещей» [20. С. 6]. По мысли автора, интенсивность не следует определять как синоним меры. Интенсивность демонстрирует уровень развития признака в рамках конкретной меры, не влекущего за собой изменения качества, а мера с опорой на её философское понимание «указывает предел, за которым изменение количества влечёт за собой изменение качества» [20].

Экспрессивность рассматривается в работе Е.И. Шейгал как речевое явление и категория коммуникативного плана (близкое понимание экспрессивности находим в работах Е.М. Галкиной-Федорук [37], Ю.М. Осипова [38], А.В. Филиппова [39] и некоторых др.). Определяя соотношение интенсивности и экспрессивности, автор пишет: «Интенсивность как компонент значения слова неправомерно отождествлять с экспрессивностью или придавать ей статус одной из составляющих экспрессивности. Если интенсивность <...> называет объективную количественную определённость того или иного признака, то экспрессивность не имеет своего референта во внеязыковой действительности, она несёт информацию внутрилингвистического характера и выполняет функцию не сообщения, а воздействия, вернее, усиленного воздействия на адресата» [20. С. 8].

Согласно точке зрения Е.И. Шейгал, все лексические единицы, передающие значение интенсивности, подразделяются на две группы:

- 1) слова-усилители (интенсивы, или интенсификаторы);
- 2) внутренние интенсивы (интенсификаты).

Они противопоставляются по способу передачи значения интенсивности – в первом случае это усиление признака, выражаемого другим словом (англ. *very, ex-*

tremely), во втором – усиление признака, называемого этим же словом (англ. *adore* – *like very much*). Е.И. Шейгал существенно углубляет представления о классе внутренних интенсивов со значением усиления (ставших объектом её исследования), выделяя основные их разновидности.

Представленные концепции демонстрируют различия во взглядах на проблему интенсивности, характерные для многих последующих работ этого направления, в которых дискуссионными продолжают оставаться вопросы о соотношении субъективного и объективного, взаимодействия экспрессивности и интенсивности, принципах отнесения слова к числу интенсивных единиц и др.

Детальное освещение в трудах лексикологов получает собственно семасиологический аспект исследуемой проблематики, охватывающий в самом общем виде два круга вопросов: каким образом происходит взаимодействие семы 'интенсивность' с денотативным и коннотативным содержанием слова и какова связь указанной семы с другими семами коннотативного содержания (в случае, если автором признаётся принадлежность семы 'интенсивность' к числу коннотативных сем).

В вышеупомянутых работах Н.А. Лукьяновой [18] и Е.И. Шейгал [20] эти вопросы решаются так.

По мнению Н.А. Лукьяновой, интенсивность экспрессивного слова относится к коннотативному содержанию, а интенсивность экспрессивно нейтральной лексической единицы – к денотативному. Критерием разграничения экспрессивных и неэкспрессивных интенсивов служит способность отражать реальную меру явления (номинативный интенсив), или, напротив, представление о ней субъекта, его видение данного явления с его эмоциональным отношением и оценкой (экспрессивный интенсив) [18].

Определяя соотношение компонента 'интенсивность' с денотативными и коннотативными аспектами значений, Е.И. Шейгал делает вывод о принадлежности интенсивности к такому компоненту, который может пронизывать оба аспекта и преобладать в одном из них, а именно в денотативном. Согласно точке зрения Е.И. Шейгал, в значении анализируемых единиц воплощена большая по сравнению с нормой степень признака, причем эта количественная характеристика признака в преобладающем числе случаев является объективной, она присуща референту, а не приписывается ему говорящим коллективом [20, С. 12]. Разграниченные Е.И. Шейгал интенсификаторы (интенсивы) и интенсификаты (внутренние интенсивы), имеют, по мысли автора, очевидное различие в статусе компонента 'интенсивность' в структуре их значения. У слов-усилителей компонент 'интенсивность' является ядерным, исчерпывающим денотативный аспект их значения, а в структуре значения внутренних интенсивов он занимает подчинённое положение, выступая конкретизатором ядерного компонента [20, С. 13].

Сопоставляя другие трактовки интенсивности как компонента значения экспрессивного слова, можно заметить определенную общность и различия во взглядах на эту проблему.

Исследователи расходятся в определении места 'интенсивности' в структуре лексического значения слова, а также в перечислении компонентов коннотации, которые наряду с 'интенсивностью' (независимо

от того, к какому компоненту значения экспрессивного слова относят 'интенсивность' – денотативному или коннотативному) участвуют в порождении «экспрессивного эффекта» (В.П. Телия).

К примеру, В.И. Шаховский рассматривает 'интенсивность' как компонент денотативного значения слова, полагая, что только в тексте за счёт структурных, ситуативных, стилистических средств, а в устной речи также за счёт просодии, компонент 'интенсивность' получает дополнительную эмоциональную окраску, которая является коннотативной [23, С. 30].

В диссертационном исследовании Т.В. Матвеевой «Семантические основания экспрессивности глагола» находит выражение мысль о том, что хотя качественно-количественные компоненты значения являются основой экспрессивности слова, тем не менее сами по себе экспрессивности (глаголу) не придают. Экспрессивность слова возникает тогда, когда эти компоненты значения сочетаются с эмоциональностью [21, С. 103–104].

В более поздних работах Т.В. Матвеева разрабатывает структуру коннотации экспрессивного слова, состоящую из двух компонентов:

1) параметрически-оценочный компонент, отражающий «свойство, признак, качество какой-либо реалии, причем качество, проявленное в сверхнормативном или предельном количестве», компоненты собственно параметрического характера (*большой, маленький, высоко, много, сильный, старый* и т.п.) выступают важной предпосылкой экспрессивности, так как необычность параметров явления побуждает человека выразить определённое эмоциональное отношение к ним;

2) эмоционально-оценочный компонент, реализующий «чувственное осмысление субъектом выделенного рационально чрезмерного качества реалии или всей реалии в целом».

Параметрическая оценка называется Т.В. Матвеевой оценкой-мыслью, так как выявляется на основании рационального сопоставления явлений одного класса, а эмоциональная – оценкой-чувством. Отсюда следует, что параметрически-оценочный компонент коннотации наиболее близок к денотативному компоненту лексического значения [22, С. 27].

Т.А. Трипольская, рассматривая 'интенсивность' как один из компонентов коннотативной семантики (наряду с 'оценкой', 'образностью', 'эмоциональностью'), подчеркивает его тесную связь с денотатом [24, С. 44].

По мнению Е.Ю. Булыгиной, следует разграничить 'интенсивность' как денотативную сему, обозначающую высокую степень проявления признака, соответствующую норме, и 'чрезмерность' – компонент коннотативного содержания слова, обозначающий крайнюю (чрезмерную) степень проявления признака. Другим компонентом коннотации является 'эмоциональная оценка' [28, С. 16].

Н.А. Лукьянова в статье «Экспрессивность как семантическая категория», пересматривая своё представление о коннотативном макрокомпоненте лексического значения экспрессивного слова, выводит 'интенсивность' за рамки коннотации. 'Интенсивность' определяется как сема денотативная, принимающая самое непосредственное участие в порождении коннотативного содержания экспрессивного слова [19, С. 16–18].

Несмотря на то, что исследователи расходятся в определении места семы 'интенсивность' в структуре лексического значения слова, общим положением большинства рассмотренных точек зрения является установление тесной связи данной семы с денотативным содержанием лексической единицы, с одной стороны, и с коннотативным микрокомпонентом 'эмоциональная оценочность' ('эмоциональная оценка') – с другой.

Что касается лексикографического описания интенсивности, то данный аспект проблемы не получает детального освещения. В работах лексикологов интенсивность не становится предметом специального лексикографического исследования. Проблема лексикографирования интенсивных слов затрагивается преимущественно в связи с необходимостью представления экспрессивных единиц в словарях [24–32].

В гораздо меньшей степени проблема лексической интенсивности осмыслена с позиций ономазиологического подхода [40, 41]. Подробное освещение в работах исследователей находят онтологический и сопоставительный аспекты ономазиологического изучения интенсивности.

В онтологическом аспекте интенсивность мыслится как функционально-семантическая категория в духе теории А.В. Бондарко. По мнению исследователей, средства лексического уровня составляют важнейшую часть рассматриваемой категории.

Детальное описание получают отдельные разряды интенсивных слов: интенсификаторы [40]; интенсивы – лексические единицы, значение интенсивности которых является имманентным свойством корня, внутренние интенсивы, представляющие результат семантической эволюции слова, интенсификаты – производные слова, в которых носителями значения являются аффиксы [41].

Затрагиваются вопросы семантического своеобразия интенсивных единиц, главным образом в плане их номинативных черт и парадигматической принадлежности.

Подробно анализируются способы выражения семантики интенсивности в русском и английском языках. По мнению И.Г. Беручашвили, интенсификаторы – продукт полисемии. Это вторичные образования, развившие значение усилительности на базе исходного вещественного значения слов. Становление новых интенсификаторов происходит по технике вторичных номинаций на основании трёх тенденций: принципа аналогии, метафорического переосмысления признака и тавтологического повторения одинаковых семантических признаков в членах синтагмы [40. С. 19]. А.Н. Трошкина выделяет два способа выражения интенсивности действия: структурно-семантический, образующий интенсификаты, и лексико-семантический, включающий интенсивы и внутренние интенсивы [41. С. 11].

В работе А.Н. Трошкиной впервые предпринята попытка исследования в сопоставительном аспекте глагольных номинативных единиц со значением интенсивности в языках разных структурных типов, что способствовало определению номинативного потенциала категории интенсивности и выявлению новых специфических и универсальных языковых средств формирования и реализации значения интенсивности.

Третий подход к описанию лексической интенсивности – мотивологический. Такой подход был принят Г.В. Калиткиной при изучении форм субъективной оценки имён на материале среднеобских говоров [42]. Г.В. Калиткиной рассмотрены особенности мотивирующих языковых форм, их частеречная отнесённость, степень регулярности их актуализации в диалектной речи, частотность разных типов мотивационных связей данных лексических единиц. Ею же описаны условия актуализации в речи носителей говора мотивационно связанных форм субъективной оценки имён, текстовые и метатекстовые функции этих слов.

Мотивологический подход к описанию лексической интенсивности впервые был реализован автором настоящей статьи в диссертационной работе «Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья)» [43]. Предметом исследования выступили: во-первых, особенности интенсивности как свойства слова и лексико-семантической категории; во-вторых, структурно-семантическая специфика интенсивных лексических единиц, выявляемая с опорой на метаязыковое сознание носителей языка. Анализу подверглись интенсивные слова трёх частей речи: имена существительные, имена прилагательные и глаголы. Изучение интенсивных лексических единиц осуществлялось на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья.

Мотивологический подход, отличительную черту которого составляют два таких фактора, как двуправленность анализа и учёт показаний метаязыкового сознания, позволил не просто выделить фонд диалектных интенсивных лексических единиц и констатировать особенности лексической интенсивности в системе языка, но и выявить степень осознания самим носителем языка связи звучания и значения интенсивов на основе формально-семантической соотнесённости с другими лексическими единицами. Как показало исследование, продуктивность изучения интенсивности в слове с позиций мотивологического подхода наиболее очевидна при рассмотрении онтологического, функционального и лексикографического аспектов изучаемого свойства.

Анализ онтологического аспекта языковой интенсивности в рамках заданного подхода позволяет осветить целый ряд вопросов, носящих фундаментальный характер: о сущности интенсивности как лексической категории и свойстве слова; о семантическом основании данной категории; об особенностях внутрисловных и внесловных средств выражения; о специфике внутренней формы интенсивного слова, её структуре и наиболее распространённых типах; о классификации интенсивных слов, отражающей их ведущие структурно-семантические особенности; о соотношении свойства интенсивности с другими свойствами слова, и в первую очередь со свойством мотивированности; уточнить вопрос об иерархии свойств лексических единиц и др.

Остановимся кратко на некоторых итогах изучения интенсивности с позиций мотивологического подхода в онтологическом аспекте.

Интенсивность определяется нами как структурно-семантическое свойство слова, семантика которого отражает субъективную качественно-количественную

интерпретацию объекта реальной действительности с точки зрения его несоответствия нормативной степени своего проявления, что регулярно материализуется в структуре внутренней формы слова за счёт мотивирующей части, отражающей метафорический перенос, и/или формантной части и актуализируется в особом типе интенсивном контексте (под внутренней формой понимается «фоно-семантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения» [44. С. 16]). С учётом распространённости термина «норма» в нашем исследовании разграничивается «норма» как экстралингвистическое понятие, предназначение которого – характеристика всех видов и форм порядка, и «норма» как понятие, позволяющее очертить круг интенсивных явлений. Во втором значении под «нормой» понимаем «обусловленное традициями народа самое обычное проявление признака в конкретной ситуации» [2. С. 7]. Таким образом, в разряд «нормативных», или нейтральных по степени интенсивности, входят такие слова, как *дождь, большой, молодой, кислый, дорогой, бить, бежать, холод* и др., обозначающие наиболее обычное проявление качества (признака, предмета, действия, состояния) с определителем «в меру».

Лексико-семантическая категория «интенсивность» обобщает соответствующее структурно-семантическое свойство слова. Интенсивность как свойство слова первична, категория лексической интенсивности вторична. Понятие лексической категории интенсивности абстрагировано от представления о свойстве интенсивности. Интенсивность как категория лексикологии обладает специфическим семантическим основанием и комплексом регулярных внутрисловных и внесловных средств его выражения, вычленяемыми сообразно исходному свойству.

Онтологическая природа категории интенсивности базируется на тесной взаимосвязи с логическими категориями качества, количества и меры, репрезентированными в языке в одном из своих вариантов посредством языковой категории градуальности, частным проявлением которой рассматриваемая категория и является.

Лексические единицы, характеризующиеся свойством интенсивности, представляют собой срез лексической системы, объективированный говорящим коллективом, в частности носителями говоров Среднего Приобья.

Критериями, позволяющими отнести слово в разряд интенсивных, служат:

1) наличие внутренней формы, актуализирующей семантическое различие в степени интенсивности с некоторой лексической единицей, которую принято считать нормативной;

2) актуализация значения интенсивности на уровне контекста (метатекста и/или текста).

Первый критерий расценивается как основной, второй – как дополнительный. Так, например, лексическая единица *хитруций* «очень хитрый» трактуется как интенсивная, поскольку соответствует двум вышеуказанным требованиям: ВФ – мотивационная форма: *хитр уций*; мотивационное значение: «*такой, - который > очень хитрый*». – *Хитруций когдо много хитрый. Есть бабы хитрые* (Сар.); *Он хитруций какой! Ходом шёл по маленькой траве, а по большой ползком*

шёл (Карг.). Настоящая методика позволяет очертить границы интенсивного лексического фонда говоров Среднего Приобья.

В составе интенсивной лексики выделяются три структурно-семантические разновидности:

1) формальные интенсивы – морфологически мотивированные интенсивные слова (*разбогатый* «очень богатый»);

2) семантические интенсивы – семантически мотивированные интенсивные слова (*жать* «об интенсивном процессе»);

3) формально-семантические интенсивы – интенсивы, мотивированные семантически и морфологически – *башковитый* «очень умный, сообразительный, как бы с большой головой».

Каждая из этих разновидностей проявляет своеобразие в выражении интенсивности. В первом случае значима формантная часть мотивационной формы, во втором – мотивирующая часть, отражающая метафорический перенос, в третьем – мотивирующая часть, отражающая метафорический перенос, и формантная часть. Исследование способствовало обнаружению специфики внутренней формы интенсивных глаголов на фоне внутренней формы интенсивных существительных и прилагательных.

Мотивологический подход способствует созданию наиболее целостной картины, дающей представление о функциональном предназначении интенсивных лексических единиц (функциональный аспект): он позволяет определить функциональные особенности внутренней формы слов-интенсивов, соотнести их с функциями внутренней формы других классов слов языка (выявить общее и индивидуальное); проследить особенности функционирования интенсивных лексических единиц в коммуникативной и экспрессивно-эстетической сферах языка.

Описание интенсивных лексических единиц в лексикографическом аспекте позволяет обобщить полученные данные и отразить все содержательные, формальные, а также функциональные особенности анализируемого класса слов при разработке словаря специального типа (см. подробнее [45]).

Все три обозначенных подхода к изучению интенсивности в рамках собственно лексикологического направления отражают сложный процесс развития лингвистической мысли. Излишне подчёркивать их значимость для создания целостной концепции лексической интенсивности, предполагающей максимально полное освещение данной языковой категории.

В последние годы XX в. происходит активный выход лингвистики и, в частности, лексикологии за рамки традиционного описания в области смежных наук: философию, психологию, логику, когнитологию, культурологию и др. В центр внимания учёных попадают вопросы, касающиеся специфики способа отражения действительности в слове человеком, роли отдельных лексических единиц в построении языковой картины мира, лингвокультурологической специфики слов, особенностей языковых механизмов хранения и представления знаний, связанных с логическим анализом языковых концептов. По наблюдениям Ю.Д. Апресяна [46] и Н.Д. Арутюновой [47], интенсивные лексические средства языка проявляют определённое своеоб-

разие во многих перечисленных аспектах. Все это позволяет сделать предположение о формировании нового (третьего) этапа в изучении лексической интенсивности. Анализ интенсивного лексического фонда в указанных аспектах только начинается и имеет бесспорные перспективы.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: лексикологическое осмысление проблемы интенсивности осуществлялось в современной отечественной лексикологии в рамках нескольких этапов, отражающих во многом интегративные тенденции развития современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 3. С. 3–15.
2. Полянский А.Н. Категория интенсивности признака в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 18 с.
3. Сергеева Е.Н. Степени интенсивности качества и их выражение в английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 18 с.
4. Убин И.И. Лексические средства выражения категории интенсивности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 33 с.
5. Мухоменов В.П. Категория интенсивности в структуре русского глагола (функционально-семантический анализ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 25 с.
6. Акуленко В.В. Лексические средства выражения интенсивности качественного признака в современном русском языке (на материале имен прилагательных). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. 25 с.
7. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 257 с.
8. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии. Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1974. Т. 1. 465 с.
9. Журавская Н.В. Экспрессивная лексика русских старожиловских говоров среднеобского бассейна. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1971. 249 с.
10. Лукьянова Н.А. Образы множества в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. науч. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1975. Вып. 4. С. 3–20.
11. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. науч. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1976. Вып. 5. С. 3–21.
12. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмоциональности как семантической категории лингвистической // Проблемы семасиологии и лингвистической. Сб. науч. статей. Рязань, 1975. Вып. 2. С. 3–25.
13. Сергеева Е.Н. Абсолютная степень интенсивности качества и ее выражение в английском языке // Проблемы лингвистического анализа: Фонология. Грамматика. Лексикология. Сб. науч. тр. М.: Наука, 1966. С. 69–83.
14. Блинова О.И. Явление мотивации слов. лексикологический аспект: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
15. Адилова А.Д. Основы мотивологического анализа. Учеб. пособие. Кокшетау: Изд-во Кокшетау. ун-та, 1999. 118 с.
16. Блинова О.И. Свойства слова и их иерархия // Изв. Алтайск. гос. ун-та. Сер. История. Педагогика. Филология и журналистика. Философия. 1997. № 2. С. 48–51.
17. Лукьянова Н.А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1979. 76 с.
18. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
19. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. С. 3–23.
20. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 27 с.
21. Матвеева Т.В. Семантические основания экспрессивности глагола (на материале говоров Среднего Урала). Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979. 192 с.
22. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. пособие. Свердловск: УрГУ, 1986. 92 с.
23. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: ВГПИ, 1983. 94 с.
24. Трипольская Т.А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1984. 226 с.
25. Семейко А.М. Эмоционально-усилительные прилагательные в современном английском языке (опыт лексикографического исследования). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 31 с.
26. Лукьянова Н.А. Словарь экспрессивной лексики говоров Новосибирской области (принципы составления словаря) // Лексика и фразеология языков народов Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. С. 48–58.
27. Новоселова О.А. Семантика оценочных прилагательных и их лексикографическое описание (на материале русских говоров Сибири). Дис. ... канд. филол. наук. В 2 т. Новосибирск, 1990. 602 с.
28. Булыгина Е.Ю. Экспрессивные прилагательные современного русского языка (семантический, прагматический и лексикографический аспекты). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 204 с.
29. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Способы выражения прагматической информации экспрессивного слова в словаре (опыт исследования и материалы к словарю) // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. Вып. 2. С. 94–111.
30. Лаврентьева Н.Б., Новоселова О.А., Храпцова Л.Н. Материалы к словарю экспрессивной лексики говоров Новосибирской области // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. Вып. 2. С. 119–136.
31. Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной лексики. М.: Изд-во МГУ, 2001. 144 с.
32. Демьянова Л.И. Словарь экспрессивной лексики русских переселенческих говоров Одесской области / Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. Одесса, 1988. 128 с. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР № 33037 от 11.03.1988.
33. Гриднева Т.В. Фразеологические средства выражения категории интенсивности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 18 с.
34. Ерофеева Е.А. Фразеологизмы-интенсивы: семантика и сочетаемость // Филология. Краснодар, 1996. № 10. С. 28–30.
35. Бабли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 395 с.
36. Лукьянова Н.А. О термине «экспрессив» и о функциях экспрессивов русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. науч. тр. / Отв. ред. К.А. Тимофеев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1980. Вып. 9. С. 3–22.
37. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М., 1958. С. 103–124.
38. Осипов Ю.М. Об уточнении понятия «эмоциональность» как лингвистического термина // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1970. № 422. С. 116–127.
39. Филиппов А.В. К проблеме коннотации // Вопр. языкознания. 1978. № 1. С. 57–63.
40. Беручава И.Г. Системные и речевые интенсификаторы в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1986. 21 с.
41. Троицкая А.Н. Номинативный аспект категории интенсивности действия в разнотипных языках (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 20 с.
42. Катиткина Г.В. Формы субъективной оценки имён в аспекте теории мотивации (на диалектном материале). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990. 252 с.
43. Бельская Е.В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 18 с.
44. Блинова О.И. Русская мотивология: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 48 с.

45. Бельская Е.В. Опыт лексикографического описания интенсивной лексики диалекта // Изв. Том. политехн. ун-та. 2003. Т. 306, № 3. С. 156–161.
 46. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
 47. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Статья представлена кафедрой русского языка филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 24 февраля 2004 г.

УДК 809.438.7-4

Н.П. Бельтюкова

ДОМИНАНТНЫЕ АРТИКУЛЯТОРНО-БАЗОВЫЕ ПРИЗНАКИ ДОЛГАНСКОГО ВОКАЛИЗМА

Статья представляет собой исследование подсистемы вокализма долганского языка методами экспериментальной фонетики. Основная цель работы – фонетико-фонологическое описание долганского вокализма, выявление конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих субсистему, определение специфики артикуляционно-акустической базы долган в области вокализма.

На долганском языке говорит небольшая младороссы-менная народность Таймырского Севера – долгане. По переписи 1989 г., их количество составляет 6584 человека.

На данном этапе исследования наиболее точно зафиксировать и выявить звуковую систему определённого языка можно лишь с применением методов экспериментальной фонетики. Экспериментальным путём описана подсистема согласных фонем языка долган [3. С. 83; 2. С. 33–34]. Целью данной статьи является фиксация на синхронном срезе подсистемы гласных фонем малоизученного, сохранившего реликтовые явления и имеющего предпосылки к исчезновению долганского языка на основе экспериментально-фонетического исследования живых норм произношения носителей данного языка.

В соответствии с теорией артикуляционно-акустической базы (ААБ), которая трактуется как система произносительных навыков и их акустических эффектов, являющихся характеристикой этноса, а не самого языка [7. С. 3–15; 4], и она (база) складывается на ранней стадии формирования этнической группы, сохраняя свою специфику до тех пор, пока данная этническая группа существует как компактная общность, её потенциальными вокальными доминантами являются степени длительности гласных, степени напряжённости артикуляционных настроек при фонации гласных, их артикуляторная рядность и степень раствора рта, а также такие работы дополнительных органов, как огубление, назализация, фарингализация и ларингализация.

Предварительный анализ языкового материала долганского языка дистрибутивными, квазиморфемическими и морфологическими методами даёт основание для выделения 20 гласных звуков-фонем: восемь кратких [a], [ē], [ɤ], [u], [ε], [œ], [i], [y], восемь долгих [a:], [ē:], [ɤ:], [u:], [ε:], [œ:], [i:], [y:] и четыре дифтонгоиды [ʔɤ], [ʔē:], [ʔe:], [ʔœ:].

Результаты метрической обработки электроакустических исследований, полученных с помощью компьютерной программы CoolEdit, фиксирующей сигналы с магнитофона (от трёх дикторов), а также результаты статического рентгенографирования [5. С. 32–38; 6. С. 48–52] настроек гласных долганского языка позволили выявить доминантные признаки ААБ носителей языка долган в области вокализма.

ИНГЕРЕНТНАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Длительность – одна из ведущих характеристик звуков речи. Для решения вопроса о фонематичности противопоставления гласных по длительности абсолютные показатели квантитета долганских гласных, полученные при обработке звуковых файлов программы CoolEdit, были переведены в относительные (ОД), при этом за единицу принималась средняя длительность звука (СДЗ) в словоформе. Здесь следует иметь в виду, что односложные слова-корни типа SVC представляют собой наиболее сильную фонологическую позицию для долганских гласных. В этой позиции противопоставление кратких и долгих гласных носит самый активный характер. Среди широких гласных, за исключением пары [a] [a:], фонематическое противопоставление в слоге SVC не встречается, благодаря чему широкие краткие не испытывают строгого ограничения в своей длительности. Сопоставление ОД гласных в парах односложных словоформ квазиморфем, различающихся лишь квантитетом вокальных составляющих (bas 'голова' – ba:s 'рана', bar 'идти, ходить' – ba:t 'имеется', tas 'тащить, возить' – ta:s 'камень', bus 'варить' – bu:s 'лёд', bis 'мать' – bi:s 'племя, род', hys 'бить' – hys 'мусор', hys 'сто' – hy:s 'лоб' и т.д.), подтверждает правомерность выделения в долганском языке лингвистическими методами кратких и долгих фонем: в среднем долгий гласный длительнее краткого в 1,8 раза (таблица).

Квантитативные характеристики долганских гласных в моносyllабах

№	Транскрипция	Семантика	Диктор	Относительная длительность гласного, % к СДЗ	Соотношение ОДV / ОДV
1	2	3	4	5	6
1	bas	голова	10	77,0	1,5
2	ba:s	рана	10	115,9	
3	tas	тащить	10	58,5	2,3
4	ta:s	камень	10	137,9	
5	qas	сколько	10	62,3	2,1
6	qa:s	гусь	10	133,5	